

М. М. КОПЫЛЕНКО

КАЛЬКИ ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Всякое иноязычное влияние в лексико-семантической сфере того или иного языка отражается либо в виде появления в нем иноязычных лексем (ксенонимов), либо в виде калькирования. Под калькированием понимается заимствование: а) словообразовательной структуры лексем (словообразовательные кальки), б) широкой сочетаемости лексем (семантические кальки), в) ограниченной сочетаемости лексем (фразеологические кальки — гнезда), г) индивидуальной сочетаемости лексем (индивидуальные фразеологические кальки).

Лексические заимствования из греческого хорошо изучены в трудах А. И. Соболевского, И. Линдемана, М. Р. Фасмера, Н. А. Мещерского, А. А. Белецкого, Ю. А. Романеева, В. Ф. Дубровиной, А. М. Булки. Достаточное внимание уделялось и словообразовательному калькированию (труды В. М. Истрина, М. Н. Сперанского, В. И. Пономарева, К. И. Ходовой, Л. В. Вяткиной). Что же касается семантического и фразеологического калькирования, то они почти совсем не исследованы.

Кальки всех типов в изобилии распространены в памятниках древнерусской письменности. Они появлялись первоначально в переводных сочинениях, затем проникали и в произведения оригинальной литературы. При этом не следует упускать из виду, что «самое начало древнерусской письменности и письменной культуры во всех ее жанрах связано с перенесением на Русь богослужебно-религиозных книг»¹. Эти книги были переводами с греческого на древнеславянский литературный язык. Термином «древнеславянский литературный язык» в современной палеославистике (Н. И. Толстой, В. Ф. Мареш, А. И. Журавский) принято обозначать единый литературный язык южных славян (IX—XVIII вв.), восточных славян (X—XVIII вв.), моравян (чехов) (IX—XI вв.) и влахо-молдаван (XIV—XVIII вв.). В основе этого языка лежала южнославянская речевая стихия (болгаро-македонский диалект IX в.), которая в разной степени ощущается в подавляющем большинстве памятников древнерусской письменности². Нам представляется, что лучше говорить не о двух типах литературного языка древней Руси — книжно-славянском и народно-литературном³, а о двух компонентах, из которых складывались древнерусские тексты. Первый из них — древний болгаро-македонский диалект, второй — живой народный язык населения Киевской Руси.

¹ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. «УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 80, 1949, стр. 5.

² См. подробнее: М. М. Копыленко. Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности? — «Советское славяноведение», 1966, № 1.

³ См.: В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения и развития древнерусского литературного языка. — В сб. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961.

Трудно найти памятник письменности, в котором бы один из этих компонентов выступал в чистом виде. Даже в списках с моравских и болгарских текстов IX—X вв. встречаются восточнославянские элементы, в разной степени проникшие в звуковую и грамматическую структуру текстов. С другой стороны, наблюдается проникновение южнославянских форм, лексем и конструкций не только в памятники деловой письменности, но и в произведения художественной литературы социально-бытового характера, и в подвергавшиеся литературной обработке устные народно-поэтические сказания, которых немало в «Повести временных лет». Поэтому можно говорить лишь о различной степени приближения к указанным двум полюсам. Максимально близки к живой народной речи записанные на бересте письма новгородцев, а максимально удалены от нее произведения церковно-религиозного содержания, созданные или переведенные русскими книжниками. Центральное место занимает летопись, которая, по определению Ф. П. Филина, представляет собой «органическое слияние византийско-инославянского наследства (древнецерковнославянской речевой струи) с восточнославянской речевой стихией»⁴. Близки к летописи по языковой структуре «Слово о полку Игореве» и выдающийся памятник переводной литературы Древней Руси «Иудейская война» Иосифа Флавия.

Кальки с греческого не характерны для делового и эпистолярного жанров. Они встречаются главным образом в произведениях, которые безусловно можно считать написанными на древнеславянском литературном языке (в «словах», поучениях, житиях и в переводной хронике), а также в оригинальной художественной литературе и в летописи, которые, как уже указывалось, в равной степени проникнуты восточнославянскими и южнославянскими элементами. Удельный вес светских памятников невелик — не более 3—4 % от общего числа (если считать также списки с текстов, составленных в Моравии и в Болгарии в IX—X вв.⁵). Следует иметь в виду, что богослужебная и богословская литература удовлетворяла потребностям всего читающего общества, что именно тексты этого рода прилежно изучались, многократно переписывались и потому оказали наибольшее влияние на дальнейшее развитие литературного языка, вплоть до нового времени. В круг широкого чтения и переписывания входили также переводные сочинения исторического характера, составленные как в Болгарии («Хроника» Иоанна Малалы), так и в Киевской Руси («Хроника» Георгия Амартола), переводные сборники поучений (тоже либо болгарского, либо восточнославянского происхождения), переведенные древнерусскими книжниками произведения героико-эпического жанра («Александрия» и «История Иудейской войны»). Кальки с греческого встречаются во всех упомянутых переводах, а также в оригинальных сочинениях, и все они являются достоянием древнерусской письменности древнейшей поры. Очень трудно (и вряд ли необходимо) провести различие между кальками, возникшими в пределах и за пределами восточнославянской ойкумены.

Все кальки с греческого объединяет одна общая черта: они прибавляют к славянским словам добавочные значения, которые переносят их из бытового плана в план более высокий, в сферу научных, культурных, мировоззренческих ассоциаций. Эти новые, дополнительные значения мы называем коннотативными (в отличие от денотативных — связанных с предметной, вещной сферой). Таким образом, исследуя семантические кальки с византийского, мы проникаем в коннотативный мир восточных славян, выясняем, какое участие в формировании этого коннотативного мира приняли идеи и культурные веяния, исходившие от византийских историков, писателей, публицистов и богословов.

⁴ Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 4.

⁵ См. об этом: Т. Г. Винокур. Древнерусский язык. М., 1961, стр. 13.

Семантическая калька всегда является следствием необычной для испытывающего влияние языка сочетаемости. Так, если глагол «просвѣтити (просвѣщати)», который имел исконные значения 'засветить', 'зажечь', приобрел новые значения 'сообщить знания', 'окрестить', 'прославить', 'совершенствовать', 'украсить', то это произошло потому, что он стал употребляться не только с наименованиями источников лучистой энергии («свѣча», «лучина» и т. п.), но и с наименованиями лиц (Крѣпкимъ просвѣтилъ еси всѣ насъ бл҃гочѣвнѣ прѣ Рускѣи. — *Илар.*) и с такими существительными, как «лице», «очи», «срѣдце» (Ѣ тмы къ свѣту приближающеся, очи и срѣце просвѣщаемъ. — *Там же*), «душа», а также «монастырь» (Показалъ еси такъ свѣтильникъ в мѣстѣ семъ, . . . иже просвѣти монастырь свои. — *Ж. Феод.*), «миръ». Не присущая глаголу «просвѣтити (просвѣщати)» искони сочетаемость заимствована у греческих глаголов φωτίζειν, φωτίζειν, которые, как и древнерусский «просвѣтити», образован от корня со значением 'свет' (ср. интернационализмы нового времени «фотография», «фотон» и др.). В данном случае круг сочетаемости глагола «просвѣтити (просвѣщати)» расширился весьма значительно за счет разнообразных в семантическом отношении лексем.

Но бывает и так, что заимствуется сочетаемость лишь с ограниченной группой лексем определенной семантики. Так, под влиянием греческого προάγειν глагол «привести (приводити)» стал употребляться не только с наименованиями лиц (Повоюева всю землю Чюдѣскоую, а полона приведе бещисла. — *Новг. I л.*), но и с существительными «притѣча», «прошение», «правда», «слово», «смысль». Здесь едва ли можно говорить о расширении значения глагола «привести (приводити)» (или о семантическом калькировании).

Следует признать, что сочетания глагола с упомянутыми существительными в целом имеют общее значение 'подкрепить словом или мыслью свое мнение' (см., например: якоже рещи, смыслъ и разоумъ на дивы и на чюдо привода. — *Ж. Ниф.*; и да привести правдоу вѣчноую и запечатлѣти видѣное. — *Хр. Г. А.*). Глагол «привести (приводити)», как и «просвѣтити (просвѣщати)», изменил свой семантический облик. Но здесь влияние сочетаемости ощущается в гораздо большей степени — настолько, что измененное значение совершенно не ощущается вне определенного контекста. Здесь уместно говорить не о семантическом, а о фразеологическом калькировании. Фразеологические кальки в данном случае образовали своеобразное семантическое гнездо (ср. его развитие в современном русском языке: «привести мысль, пример, притчу, цитату. . .», где прослеживается то же общее значение 'подкрепить словом или мыслью свое мнение' ⁶).

Подобным же образом глагол «оставити», соединяясь под влиянием греческого καταλείπειν с существительными «знамение», «образ», «упование», «память», «плачь», «рыдание», «срам», «понось», образовал сочетания с общим значением 'удалившись (исчезнув), передать другим свои черты или образец поведения или воспоминание о себе' (см., например: велии плачь оставивъ прѣмъ же и бл҃гочѣстивымъ чл҃комъ Цряграда. — *Хр. Г. А.*; срамъ собѣ оставляють на вся лѣта и понось. — *Алекс.*).

Нередко встречается и такое заимствование сочетаемости, которое распространяется лишь на одну лексему. К фразеологическим калькам такого рода относится «хранити тайноу» — греч. μυστήριον κρύπτειν, φυλάσσειν

⁶ См. об этом: А. К. Панфилов. Понятие о фразеологических гнездах. — В сб.: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968.

μυστήρια. На греческой почве в сочетании с существительным μυστήριον (μυστήρια) глагол φυλάσσειν (собственно 'охранять', 'стеречь') сближался с глаголом κρύπτειν ('скрывать'; см. *Согл.*, стр. 1154). Это изменение значения глагола φυλάσσειν, вызванное индивидуальной сочетаемостью, было повторено в переводе «хранить тайноу» (ср. в украинском «берегти таємницю» при абсолютной невозможности сочетания «хоронити таємницю»).

Аналогично сочетание «дати хрѣбтъ». Оно повторяет греч. сочетание δίδοναι τὰ ὠτα, где глагол δίδοναι, обычно обозначающий 'дать', сближается с глаголом δείκνυμαι 'показать'. Общее значение сочетания — 'обратиться в бегство'. См. в *Наз.*: въдахъ хрѣбтъ покрывъ лице срамъ — ἔδωκε τὰ ὠτα.

Обратимся к рассмотрению примеров, извлеченных из памятников древнерусской письменности.

А. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ

Здание. Эта лексема образована от глагола «зъдати» ('строить') и означала первоначально то же, что и греч. οἰκοδομή ('строение', 'дом').

Это послужило причиной тому, что она в переводных сочинениях употреблялась в тех же контекстах, в которых употреблялась греческая лексема. Таким образом, в семантику лексемы «здание» включается новый компонент 'наставление', 'поучение'. Мы обнаруживаем его в *Ефр. корм.*: На зѣдание людѣмъ всѧ подобаетъ творити в точном соответствии с греч. πρὸς οἰκοδομήν τῶν λαῶν. Любопытно, что глагол «назидати» в соответствии со своей словообразовательной структурой означает 'надстраивать' (*Срезн.*, т. II, стр. 285), а «назъдание» означает лишь 'созидание' (*там же*). Семантическая дифференциация лексем «здание» и «назидание» не нашла отражения в словаре И. И. Срезневского и, возможно, произошла в более поздний период развития русского языка.

П р а в и л о. В оригинальном русском памятнике «Софийский временник» есть фраза, указывающая на то, что эта лексема в долитературный период развития русского языка была связана с понятием ровной поверхности, прямизны: Тягиня того каменіа погнѣтеть в мѣсто и правило стѣны извихляется. Это подтверждает и древнейшее употребление прилагательного «правый» (бѣдѣтъ стрѣпѣтнаѧ [т. е. неровные, трудные [пути]] въ правахъ и острії въ пѣти гладькы. — *Остр. ев.*), а также тот факт, что глагол «правити» первоначально означал 'направлять' (Гзакъ бѣжитъ стрѣмъ влькомъ; Кончакъ ему слѣдѣ правитъ къ Дону Великому. — *Сл. плк. Игор.*). К той же понятийной сфере относилось греч. καὶν. В античный период эта лексема имела в числе прочих значения 'отвес', 'линейка для графления' (*Двор.*, т. I, стр. 873). На этой основе развились значения 'мера', 'мерило', 'образец', 'норма', 'постановление', 'устав', которые под влиянием греч. καὶν распространились на лексему «правило» сначала в переводных, а затем и в оригинальных текстах (см., например: По святыхъ отецъ и святыхъ апостолъ правиломъ. — *Псков. Гл.*; . . . многимъ попомъ пѣти, а дьякону почати, яко же и на всякомъ правилѣ церковномъ. — *Кипр.*). Можно думать, что и лексема «правитель» первоначально была связана с идеей прямизны, неуклонности (см.: Оузда коневѣ правитель ієсть и въздръжаніє. — *Изб. 1076 г.*). Последующие значения 'рулевой', 'кормчий', 'наставник', 'руководитель' и т. п. (см. *Срезн.*, т. II, стр. 1343) могли возникнуть на русской почве без иноязычного влияния в связи с акцентным вариантом лексемы «правило» — «правѣло», которое издавна имело значение 'руль'.

Р о с т ь (Р а с т ь). Сопоставление ряда значений лексем «рость» (расть) и греч. τόκος отражено в таблице 1.

Общность в одном значении дала основание для расширения сочетаемости славянской лексемы, благодаря чему она приобрела не свойственное ей ранее значение 'лихва'. Соответствие расть — τόκος наблюдается

Значения лексем	‘рождение’	‘рост’ ‘высота’	‘прирост’ ‘приплод’	‘лихва’ (‘проценты’) ⁷
рость (расть) τόχος	— +	— +	— +	— +

уже в древнейшем библейском переводе. Впоследствии лексема «рость» в этом значении широко проникает в оригинальные памятники деловой письменности, конкурируя с исконно славянской лексемой «лихва» (см. *Срезн.*, т. II, стр. 25—26; т. III, стр. 173). В дальнейшей истории русского языка предпочтение отдается лексеме «рост», о чем свидетельствуют современные «давать деньги в рост» (ср. болг. «давам пари под лихва») и «ростовщик» (ср. болг. «лихвар»). «Лихва» сохранилась лишь в качестве реликта в адverbiallyном образовании «с лихвой».

Рука. Под влиянием греческого эта лексема приобрела значение ‘власть’, ‘господство’. См., например, в *Изб. 1073 г.*: Юже въ роуку врачевско(у) надеждж имѣти своего съдравиа скотьско юе. Особенно распространены сочетания «подъ руку» и «подъ рукою (руками)» в соответствии с греч. ὑπὸ τὰς χεῖρας. Так, в *Ефр. корм.*: Подъ законьными роуками быти (ὑπὸ τὰς τῶν νόμων χεῖρας γίνεσθαι). Лексема «рука» в указанном значении широко проникла и в оригинальные сочинения, причем не только богослужебного и богословского, но и светского содержания. Так, в *Лавр.* находим ... впадоша Олговичемъ в руцѣ, в *Ин.* — Бапе бо тогда в рукахъ его. Дополнительным аргументом в пользу того, что значение ‘власть’, ‘господство’ развилось под влиянием греческого, является тот факт, что в древнерусских текстах нет промежуточного значения ‘сила’, ‘насилие’. В греческом же это значение присутствует (см. *Двор.*, т. II, стр. 1769).

Свойство. Когда эта лексема выступает в значении ‘близость’, в соответствии с греч. ἐγγύτης (напр., Елико друоголюбци къ своимъ другомъ имоуще свойство. — *Златостр.*), облик ее, по-видимому, исконно славянский (ср. др.-русс. «своякъ» ‘муж жениной сестры’). Но «свойство» имеет также значения ‘особое качество’, ‘отличительный признак’ (Трии же личеса и три собьства, коеждо съ свойствомъ. — *Изб. 1073 г.*; ꙗко же оубо... врачемъ мьнѣтсѣа разоумъ съставъ свойства. — *Ефр. корм.*). В этом случае «свойство» соответствует греч. ἰδιον, ἰδιωμα, ἰδιότης. Дело в том, что прилагательное ἰδιος означает, с одной стороны, то же, что др.-русс. «свой», с другой стороны — ‘особый’, ‘своеобразный’, ‘отличный’. Это и привело к развитию нового необычного значения в древнерусской лексеме.

Скъръбъ. Эта лексема, этимологически связанная с др.-русс. «щърбѣй», «щърбина», «ущърбъ», первоначально означала лишь ‘боль’, ‘страдание’, ‘болезнь’, ‘мука»; см. характерный пример в переводе с греческого кирилло-мефодиевской поры: Жена, ѿгда раждаеть, печаль имаать, ꙗко приде годъ ѿѣа; ѿгда же родить отроча, къ томоу не помьнить скъръби за радость, ꙗко родисѣа члвкъ въ миръ. — *Остр. ев.* В этом тексте лексеме «скъръбъ» соответствует греч. θλίψις. Но θλίψις означает также ‘несчастье’, ‘беда’, ‘горе’, ‘печаль’. Отсюда — соответствующие значения древнерусской лексемы. Так, в *Хр. Г. А.*: Подъ скорбьми събираеми (ὑπὸ τῆς κοινῆς θλίψεως); есть бо егда скорбъ боудеть, и вражба благаѣа на спасеніе бысть. Так же и в оригинальном памятнике: Не могоша избрати собѣ ꙗгоумена и бы скорбъ братыи и тоуга и печаль велыѣ. — *Ин.*

⁷ Ср. аналогичные таблицы: А. Е. Карлинский. Очерк немецко-славянских языковых контактов (IX—X вв.). Автореф. канд. дисс. Минск, 1967.

С л а в а. Этимологическая связь этой лексемы с лексемой «слово» несомненна. Эта связь развивалась, вероятно, следующим образом. От «слово» — глагол «слуги» 'называться', т. е., собственно, 'обладать словом', 'иметь название' (Понетское море. . . слово Руское. — *Лавр.*). Каузативом (т. е. глаголом со значением 'вызывать соответствующее действие') от «слуги» с обычным для таких образований чередованием гласных является «славить», а «слава» — существительное, связанное с этим глаголом. В таком случае древнейшим из многочисленных значений лексемы «слава» должно быть наиболее связанное со значениями лексемы «слово» — 'мнение'. Оно встречается в переводном памятнике XI в.: сжпротивънѣ имѣти славы тожде вѣшти (*Наз.* Греческое соответствие — $\delta\delta\epsilon\alpha$). Все остальные значения лексемы «слава» — 'прославление', 'хвала', 'благодарение', 'почет', 'честь', 'величие' повторяют соответствующие значения греч. $\delta\delta\epsilon\alpha$. В пользу этого говорит тот факт, что семантическая структура древнерусской лексемы «слово» ('значение', 'смысл', 'поучение', 'беседа', 'спор', 'совет', 'показание', 'свидетельство', 'обещание', 'приказ', 'закон', 'заповедь', 'часть речи', 'буква') не имеют (за исключением упомянутого выше 'мнение') с семантической структурой лексемы «слава» ничего общего.

С л а с т ь. Развитие значений от 'вкусная пища' (Се тоу чистословецниа и сладкаа вечера и сласть, хлѣбъ ти соль, новаа їадь. *Наз.*) к 'удовольствие', 'наслаждение' могло развиваться на славянской почве. Но далее следует переход к значению 'страсть', который следует объяснить греческим влиянием. Подтверждением этому служит то, что композиты «сластолюбие» и «сластолюбивый» выступают только в соответствии с греч. $\phi\acute{\iota}\lambda\eta\delta\omicron\nu\acute{\iota}\alpha$ и $\phi\acute{\iota}\lambda\eta\delta\omicron\nu\omicron\varsigma$, а греч. $\eta\delta\omicron\nu\acute{\eta}$ означает и 'сласть' и 'страсть'.

С у д ь б а. В древнерусском эта лексема имеет значение 'суд' (Благовѣрие, правдѣ и сждбѣ нелицемѣрноу и милость и шпоущение. — *Никиф.*), кроме того, 'приговор', 'правосудие' и 'предопределение'. Последнее значение — под влиянием греческого, благодаря специфическому употреблению в богослужебных и богословских текстах; см.: О бжтвнхъ соудьбахъ, ꙗко ни единъ же можетъ сихъ оубѣжати. — *Панд. Никон.*, где греч. соответствие $\chi\rho\acute{\iota}\mu\alpha$, означающее также 'решение', 'приговор', 'суждение'. В современном русском языке из всех значений лексемы «судьба» сохранилось лишь последнее.

С ъ м и р е н и е / с ъ м ѣ р е н и е. Согласно своей этимологии лексема «съмирение» должна была иметь значения, связанные с лексемой «миръ» ('умиротворение', 'договор'), а «съмѣрение» — значения, связанные с лексемой «мѣра» ('обуздание', 'покорность', 'кротость', 'уничтожение'). В древнерусском (вплоть до XVI—XVII вв.) фонемы *и* и *ѣ* в безударном положении различались, так что фонетических условий для смешения рассматриваемых лексем не было. Однако в памятниках древнерусской письменности между ними нет семантических различий. Так, в значении 'покорность', наряду с лексемой «съмѣрение», выступает также «съмирение» (Призри на смирение мое и подави же разумъ срѣцю моему. — *Ж. Бор. Гл.*), а «съмѣрение» употребляется в значении 'мирный договор' (О съмѣренїи томъ сънидошаса, такомъ срамнѣи и недостойнѣ Роумьскыа ржкы. — *Наз.*). Произошло это не без влияния греч. лексемы $\tau\alpha\pi\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$, этимологически связанной с прилагательным $\tau\alpha\pi\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ 'низкий', 'мелкий' и с глаголом $\tau\alpha\pi\epsilon\iota\nu\omicron\upsilon$ 'понижать', 'убавлять'. $\tau\alpha\pi\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ означает 'унижение', 'умаление', 'сглаживание', 'затушевывание', 'примирение' и объединяет, таким образом, в себе значения обеих древнерусских лексем. Этот факт при наличии паронимической близости лексем «съмирение» и «съмѣрение» не мог не найти отражения в памятниках переводной, а затем и оригинальной письменности.

Дальнейшая история двух лексем привела к любопытному явлению: в современном русском они совпали в одном звучании, за которым закрепились семантическая структура лексемы «сѣмѣреніе». Этой семантической структуре не соответствует орфографический облик современного слова, опирающийся не на «сѣмѣреніе», а на «сѣмирение».

Сѣнабѣдѣти. В соответствии со своей этимологической структурой эта лексема имела значения 'сохранить' (Списи ма мѣтвами си и сѣнабѣди, ѣлико же хочеш и можеш. — *Мин. 1097 г.*) и 'оберегать' (ѣко же бѣ въ ѡвоци пѣдило ничесо же не сѣнабѣдитъ, тако же и бѣзи. — *Посл. Иер.*) Соответствие — греч. φυλάσσειν. Но φυλάσσειν означает также 'снискать', 'получить', 'доставить', 'принести'. Это привело к аналогичному развитию семантической структуры лексемы «сѣнабѣдѣти» в памятниках переводной письменности; см., например: Хранаштеи бо истинѣ моѣтъ себѣ жизнь сѣнабѣдѣти, хранати бѣ са истинѣ. — *Панд. Ант.*; Сѣнабѣди ми очищение дѣлъмъ въздржаниа (φυλάσσε μοι τὴν κάθαρσιν). — *Наз.*

Тѣржѣство. Первоначально — в качестве производного от «тѣргъ» — 'купля — продажа', 'рынок': Тѣржѣствоу подобно ѣсть все сѣлоучье: вѣдзи коуплѣ дѣти приобращетѣ много, а невѣдзи и тѣштѣга приѣмлетѣ. — *Панд. Ант.* Греческое соответствие — πανηγύρις, что означает первоначально 'многочисленное (всеобщее) собрание'. Отсюда уже в древнегреческом — 'всенародное празднество', что нашло свое отражение в древнеславянском: Тѣмъ же та блажимъ и стое твое днѣ сѣтваремъ тѣржѣство. — *Мин. 1096 г.* Соответствие то же — πανηγύρις, ср. новогреч. πανηγύρι — 'ярмарка', 'праздник', 'торжество'.

Упражняти сѣ. Исконное значение — в соответствии с этимологической структурой — 'быть свободным (от дела, от работы)' (ср. в совр. русск. «праздный», «праздник»): Въ поведѣльникъ антипасхѣ мниси оупражняются ѡ роучныхъ дѣлъ своихъ. — *Уст.* Этому глаголу соответствует греч. σχολάζειν, образованный от существительного σχολή 'досуг', 'свободное время', но также и 'занятие на досуге', 'сочинение', 'трактат', 'философское учение' (ср. в совр. русск. через латинское посредство — «схоласт», «схоластика» и через латино-польское посредство — «школа»). Глагол σχολάζειν означает, таким образом, не только 'быть свободным', но и 'заниматься чем-либо', 'предаваться какому-либо делу'. Отсюда — новое значение лексемы «упражняти сѣ»: Въ томъ коумиролужении сѣкрѣвѣнѣмъ оупражняемъ (σχολάζων). — *Ефр. корм.*; Въ днѣ оупражняемъ на слоужбоу (ἐσχολάζων). — *Пат. Син.*

Б. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ-ГНЕЗДА

Рассматривая сочетания лексем, принадлежащие к одной и той же структуре (глагол + абстрактное существительное в винительном падеже без предлога), в переводных памятниках древнерусской письменности и сопоставляя их с тождественными по значению отрезками текстов в греческих оригиналах, мы обнаружили факты двух родов. В одних случаях древнерусским сочетаниям Г+Сабстр могут соответствовать в греческом одиночные глаголы или отличные от Г+Сабстр конструкции; например: «сѣтворити скръбь» — θλίβεи. — *Хр. Г. А.*; «пріяти мьсть» — ἀπολαβεи τῆς ἀρόντης. — *Иуд.*; «дати сѣвѣтъ» — συμβουλευεи. — *Хр. Г. А.* Кроме глаголов «сѣтворити», «пріяти», «дати», такого рода сочетания образовали глаголы «въздати», «въздвигнути», «възяти», «имѣти», «сѣдѣяти», «яти». У нас есть основания считать такие сочетания исконно славянскими, не зависимыми от греческих образцов. В других же случаях сочетания всегда повторяют греческий оригинал. В древнерусских текстах нет ни одного случая, когда бы Г+Сабстр, образованные глаголами «исплѣнити», «навести», «нанести», «оставити», «побѣдити», «привести», «(при)нести»,

«разрушители», «(съ)блудники», «(съ)хранители», «удержатели», «установители», не имели в греческих текстах в качестве соответствия также Г+Сабстр, причем образованные точными эквивалентами древнерусских глаголов. Такая же картина — в древнеславянских переводах кирилло-мефодиевской поры. Из этого можно заключить, что упомянутые выше глаголы не имели коннотативной (т. е. не основанной на предметно-логических связях) сочетаемости в древнерусском языке, что они приобрели ее, заимствуя греческую сочетаемость. Так образовались фразеологические кальки-гнезда. Вот некоторые из них.

Сочетания, образованные глаголом «исплънити»:

а) 'совершить какое-либо действие': «исплънити жрътву» (не члвкъ въ цркви вношае огнь, нъ пламы съпедши, еже на служение исполняе жрътву, ἐπλήρωθι θυσίαν. — *Хр. Г. А.*), «четверопѣсна» (Стѣ в великую суботу четверопѣсна исполни великаго Козмы, τετραφθιον ἀνεπλήρωσιν. — *Хр. Г. А.*), «мѣру» (Фарисѣемъ же омрачено оскудѣвшемъ реч: и вы исполните мѣру оцъ ваших, ἀναπλήρωσατε τὸ μέτρον. — *Хр. Г. А.*), «осуждение». — *Иуд*).

б) 'выполнить указание, обещание'; «исплънити волю» (πληροῦν θέλημα. — *Иуд*), «обещания» (πληροῦν ὑποσχέσεις. — *Иуд*), «свѣщание». — *Иуд*, «хотѣние». — *Иуд*.

Сочетания, образованные глаголом «навести»:

'причинить бедствие': «навести казнительствія» (ἐπάγειν παιδευτήρια. — *Хр. Г. А.*), «крамолы» (крамолы нечестиваго цсря Уалента, иже на цркви бѣя наведе, οἱ πόλεμοι οὗς ἐπήγαγεν. — *Хр. Г. А.*), «муку» (ἐπιφέρειν τιμωρίαν. — *Хр. Г. А.*; ἐπάγειν τιμωρίαν. — Там же) «неправѣду» (ἐπάγειν τὴν ἀδικίαν. — *Хр. Г. А.*), «пагубы» (что ради тако творящимъ намъ не наводитъ на ны бѣ таковыя пагубы? οὐκ ἐπάγει πανωλετρίαν. — *Хр. Г. А.*), «разрушение» (таче разрушение злomu благовѣствию наводитъ, τὴν λύσιν ἐπάγει. — *Хр. Г. А.*).

Сочетания, образованные глаголом «нанести»:

'совершить неблагоприятное действие': «нанести казнь» (ἐπάγειν τιμωρίαν. — *Феод.*), «муку» (ἐπάγειν τιμωρίαν. — *Феод.*) «снъ» (наносаше емоу снъ безмѣрнъ мысла и тѣмъ раслабити, ὀπήγεν νοσταγμόν. — *Ж. Ниф.*), «тугу» (ἐπάγειν συμφοράν. — *Феод.*), «укоризну» (βάλλειν ὕβριν. — *Ж. Ниф.*), «язву» (ἐπιφέρειν πληγὴν. — *Феод.*).

Эта сочетаемость присуща и современному русскому языку. Квалификация академического «Словаря русского языка в четырех томах» (т. II, стр. 517) не отличается точностью: «7 [Глагол *нанести*. — *М. К.*] в сочетании с некоторыми существительными означает: причинить, сделать то, что выражено существительным». Не указано, что имеется в виду под словом «некоторыми», и может создаться впечатление, что сочетания глагола «нанести» с существительными (по крайней мере, с абстрактными) могут означать всякого рода действия. Но этому противоречат решительно все примеры, приводимые в словаре: Нанести ножевую рану. Нанести урон. Нанести поражение. Он нанес мне смертную обиду, оскорбил честь мою. — *Гоголь*. Титок, схваченный Давыдовым за кисть левой руки, правой успел нанести ему удар по голове. — *Шолохов*. Очевидно, в современном русском языке, как и в древнерусском, сочетания глагола «нанести» с абстрактным существительным обозначают только пейоративные действия в противовес глаголу «принести», который образует сочетания как с пейоративным («принести беду, горе...»), так и с непейоративным («принести радость, счастье...») значением.

Сочетания, образованные глаголами «нести» и «принести»:

'сообщить известие', 'передать сведение': «принести отвѣтъ» (пусти же бѣса на западъ, да принесетъ оттуду ему въскорѣ отвѣтъ (πρὸς τὸ ἐνεχεῖν ἀπόκρισιν. — *Хр. Г. А.*); «нести възвышения» (иже възвышения, бжия въ грѣтанехъ носаше, τὰς ὑψώσεις φέροντες. — *Наз.*); «прино-

сити проповѣдание» (аз вѣроую, яко приношааше ниневѣгитомъ проповѣдание, ἔφερε τὸ κήρυγμα. — *Наз.*); «нести тайну» (отидѣ ко Антипатрови нося всю тайну, φέρων τὰ ἀπόρρητα. — *Иуд.*). Лексемы «възвышения» и «тайну» употреблены синекдохически — вместо «слово (или рѣчь) възвышения, тайны».

Сочетания, образованные глаголом «разрушити»:

а) 'преодолеть (превозмогъ) нечто нежелательное, неприятное': «разрушати зѣлодѣяние, жестосердіе, зѣлоправіе» (καταλύειν κακουργίαν, σκληροκαρδίαν, δυστροπίαν. — *Хр. Г. А.*), «муку» (παράλυσιν τιμωρίαν. — *Там же*), «мыщенье» (παράλυσιν ἐκδικούμενα. — *Хр. Г. А.*);

'нарушить установление, обычай': «разрушити бракъ» (διακόπτειν τὰς ἐγγύας. — *Иуд.*), «обычай» (καταλύειν τὸ ἔθος. — *Хр. Г. А.*), «упѣвание» (разруши Антипатръ сирымъ упование, Διακόψας τὰς ἐλπίδας. — *Иуд.*).

В. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛКИ

Греческий глагол τιθέναι (обычно 'класть') претерпевает семантическое изменение в сочетании с существительным ὄνομα ('имя'). Эта особенность повторяется при переводе: «положить имя» означает 'назвать': положи има болариноу томоу, ἐπιθεῖς τὸ ὄνομα. — *Мал.*

Аналогичное изменение испытывает глагол πηγύναι ('вонзать', 'втыкать') в сочетании с существительным ὄρος ('межа', 'граница'). Перевод «положить прѣдѣлъ» означает 'прекратить, ограничить действие': не бѣистъ бо сѣмрѣти раздроушенъ сѣмрѣть. нѣ прѣдѣлѣ еси вѣшти прѣдѣлъ положъ, τῇ φύσει τοὺς ὄρους πηγάμενος. — *Кл.*; см. и в оригинальном памятнике: Не прелагаи предѣлы, их же положиша отцы твои. — *Псков. I л.*

То же происходит с глаголом βαστάζειν ('поднимать') в сочетании с существительным νόσος ('недуги'). Перевод «въздвигнути недуги» означает 'терпеть болезни (муки) за кого либо': възъмышааго немощи наша и въздвигъшааго недѣгы наша, — τοὺς νόσους βαστάσαντα, *Наз.*

См. также «угасити зависть» — буквальный перевод греч. сочетания καταβεννύειν τὸν φθόνον, образовавшегося на метафорической основе: зѣло бо ясно прирече горѣ сиюж ѡже възлюби, да дрѣвѣихъ колѣнъ оугаситъ зависть, καταβέτη τὸν φθόνον. — *Феод.*

См. также «творити волю» — греч. ποιεῖν θέλημα, «пріяти заповѣдь» — греч. δέχεσθαι ἐντολήν, «пріяти отвѣтъ» — греч. δέχεσθαι ἀπόκρισιν, «прѣступити законъ» — греч. παραβαίνειν νόμον, «дѣржати мѣсто» — греч. κατέχειν τόπον, «творити вѣдѣ» — греч. ποιεῖν πονηρόν, «творити безаконіе» — греч. ποιεῖν ἀνομίαν⁸.

Индивидуальные калки распространены не столь часто, как калки-гнезда. Лишь некоторые из них встречаются не только в переводных памятниках древнерусской письменности, но также и в оригинальных памятниках, и в современном литературном языке.

В пределах данной статьи мы смогли проанализировать лишь небольшое число семантических и фразеологических калек с греческого. Ввиду этого мы стремились привлечь внимание читателей преимущественно к тем образцам, которые сохранились в русском литературном языке вплоть до современного периода его развития. Мы будем считать свою задачу выполненной, если наши наблюдения будут использованы в дальнейших исследованиях греческого влияния на развитие лексикосемантической структуры русского языка.

⁸ Подробнее см.: М. М. Копыленко. Опыт сопоставительного изучения фразеологических сочетаний типа «дать совет» в славянских языках. — ВЯ, 1969, № 2.

Принятые сокращения

- Алекс. — Александрия
Двор. — И. Х. *Дворецкий*. Древнегреческо-русский словарь, т. I—II. М., 1958.
Ефр. корм. — Ефремовская кормчая
Ж. Бор. Гл. — Житие Бориса и Глеба
Ж. Ниф. — Житие Нифонта
Ж. Феод. — Житие Феодосия
Златостр. — Златоструй XII в.
Изб. 1073 г. — Изборник 1073 г.
Изб. 1076 г. — Изборник 1076 г.
Илар. — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона
Ип. — Ипатьевская летопись
Иуд. — «Иудейская война» Иосифа Флавия
Кипр. — Грамота митрополита Киприана 1395 г.
Кл. — Сборник Клотца
Лавр. — Лаврентьевская летопись
Мал. — «Хроника» Иоанна Малалы
Мин. — Миней 1095—1097 гг.
Наз. — 13 слов Григория Назианзина
Никиф. — Послание Никифора, митрополита Киевского, Владимиру Мономаху
Новг. I л. — Новгородская I летопись
Остр. ев. — Остромирово евангелие
Панд. Ант. — Пандекты Антиоха
Панд. Никон. — Пандекты Никона Черногорца
Пат. Син. — Патерик Синайский
Посл. Иер. — Послание пророка Иеремии
Псков. I л. — Псковская I летопись
Сл. плк. Игор. — «Слово о полку Игореве»
Срезн. — И. И. *Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
Соф. — E. A. *Sophocles*. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. New York, Leipzig, 1893.
Уст. — Устав Студийский XII в.
Феод. — «Толкование на Псалтырь» Феодорита Киррского
Хр. Г. А. — «Хроника» Георгия Амартола.
Цитаты из некоторых памятников приводятся по словарю И. И. Срезневского.